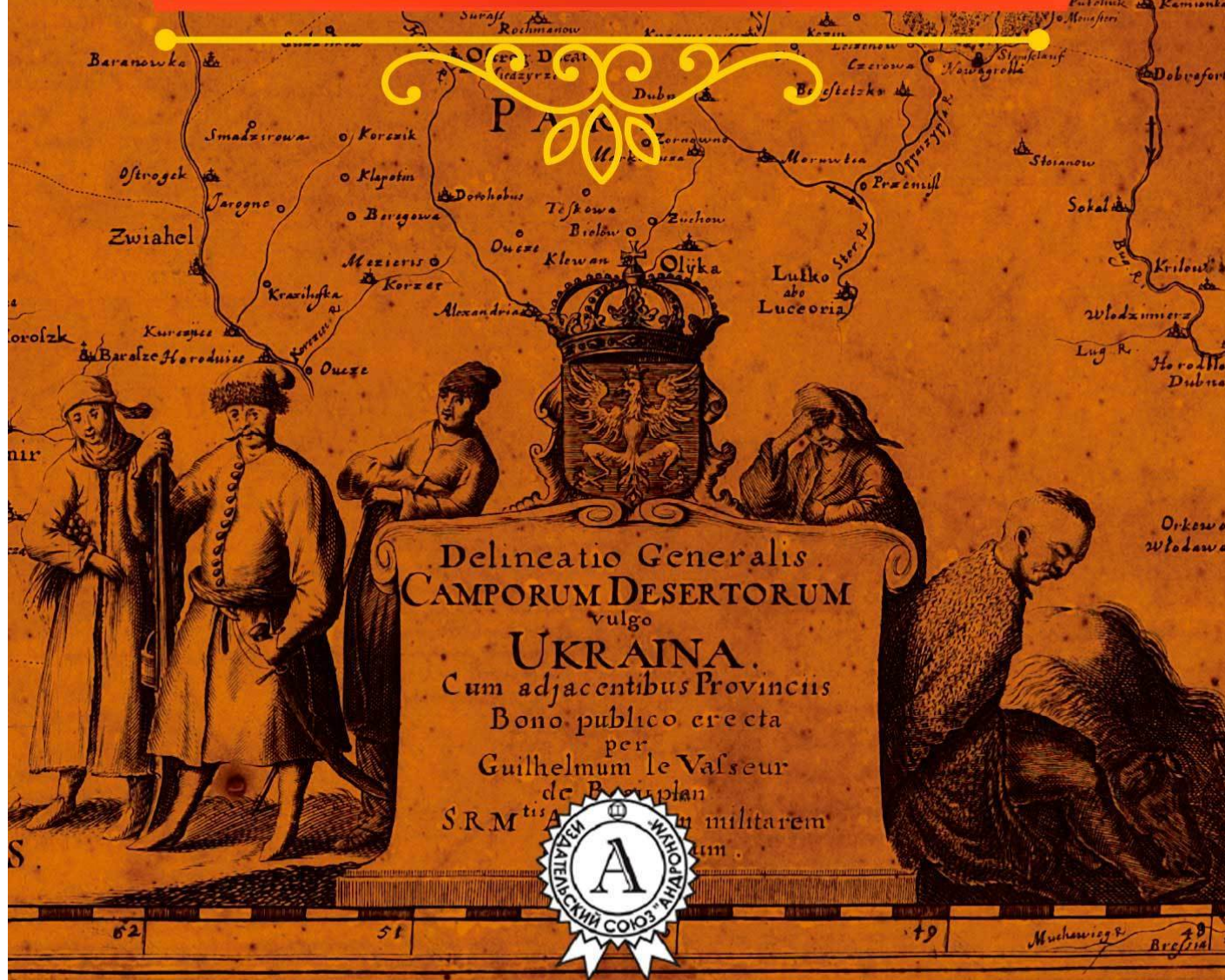

А. Я. ЕФИМЕНКО

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ И ЕЕ НАРОДА

Александра Ефименко

История Украины и ее народа

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ефименко А.

История Украины и ее народа / А. Ефименко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«История Украины и ее народа» - это книга выдающегося украинского и российского историка и этнографа Александры Ефименко, которая охватывает большой период истории украинского народа: от древнейших времен до конца XIX века. Первая глава посвящается периоду Киевской Руси, в ней детально рассматриваются славянские племена, населявшие древние берега Днепра. Две следующие главы посвящены истории Украины под властью Литовского княжества и шляхетской Польши, в четвертой речь идет о положении украинских земель во времена правления Богдана Хмельницкого и в последующую эпоху «руины» (вторая половина XVII в.), а в пятой и шестой главах рассматривается развитие украинских земель в XVIII – XIX вв. Книга станет познавательной для историков, этнографов, культурологов, филологов и всех, интересующихся вопросами становления украинского народа.

© Ефименко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Древняя Русь	5
I	5
II	9
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александра Ефименко

История Украины и ее народа

Древняя Русь

I

«Русский народ, «русская история», говорим мы, и не хотим знать или забываем, что на свете не одна русская народность и не одна русская история. Русский народ делится на две больших отрасли: севернорусскую, или великорусскую, и южнорусскую, или малорусскую, украинскую.¹ Каждая из этих двух русских народностей жила в прошедшем своей собственной жизнью, имела свою самостоятельную историю. Эти две русских истории очень не похожи одна на другую, хотя бы, казалось, между северноруссами и южноруссами нет большой разницы. Уж очень различно сложились исторические судьбы двух половин так разросшегося русского племени.

Великорусскую историю знает более или менее каждый грамотный русский человек: она излагается во всяком учебнике под именем «русской истории». В этой «русской истории» об Украине, Малороссии, говорится обыкновенно лишь с того времени, как она присоединилась к Великойроссии в 17-м веке при гетмане Богдане Хмельницком, да и то говорится вскользь, мимоходом. А как жила Южная Русь до присоединения, — об этом чаще всего совсем умалчивается. Таким образом, выходит, что с великорусской историей знаком каждый русский человек, и южанин и северянин, а с малорусской — плохо знакомы даже и образованные южане.

Конечно, между великоруссами и малороссами немало родственного сходства и во внешнем, физическом, облике, и в языке, и в духовной их природе, в характере, нравах, обычаях. Но есть и существенные различия: они бросаются в глаза постороннему наблюдателю и сильно чувствуются самими представителями обеих народностей.

Из 30 миллионов южнорусского племени около 7 живет вне России, за ее пределами, в Австрии: главным образом в восточной Галиции, затем в Венгрии и в Буковине. В России малороссы занимают сплошной массой так — называемые юго-западные губернии: Киевскую, Волынскую и Подольскую, и малорусские губернии: Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую. Затем они составляют большую половину населения двух из новороссийских губерний Екатеринославской и Херсонской, около половины Таврической, около половины — Кубанской области и Ставропольской губ., около четверти населения в губерниях: Воронежской и Курской, в Донской области, несколько меньше в Бессарабской губ. Есть исконные поселения малороссов еще в Привислянском крае, в некоторых уездах Люблинской и Седлецкой губ., и в Северо-Западном крае в южных уездах Гродненской губ. Тронуты малорусской колонизацией Астраханская, Саратовская, Самарская и Оренбургская губернии.

В последнее время поток колонизации занес малороссов в Сибирь — до самого Тихого океана.

Таким образом, малороссы разбросаны теперь на огромном пространстве от Венгрии до Владивостока. Повсюду малорусское племя сохраняет свои основные черты. Эти основные черты, свой тип, малороссы выработали и укрепили тем, что жили многие века в одних и тех же физических условиях. Они — старинные обитатели черноземной полосы нашей русской

¹ О третьей ветви русского народа — белорусах — мы не упоминаем, так как она слишком мало жила самостоятельной политической жизнью и не имела своей истории.

равнины, степи или «поля», по древнему выражению, – исконные «хлеборобы». Не исключительно земледельческий характер имеют малороссы только в Волынском и Киевском Полесье, в северной лесистой части Черниговской губернии, да еще горцы Галиции и Буковины. Не даром слова Украина и украинец – другие обозначения для южнорусской земли и ее населения – всегда вызывают в нашем воображении картину роскошной, необозримой нивы, залитой солнцем, и пахаря с сивыми круторогими волами, направляющего плуг своей могучей рукою. Малоросс не только вскормлен родным черноземом – он, можно сказать взлелеян им. Все в обстановке жизни, в быте, нравах украинца указывает, что он баловень природы, привыкший к ее щедрым дарам, мало приспособленный к тому, чтобы сжимать себя в пределах насущно необходимого, строго учитывать приход с расходом. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на его кокетливую белую хату – в зелени вишневого садка с цветником и палисадником, на живописный костюм женщин, пока еще не окончательно вытесненный современной модой, достаточно послушать его прекрасные песни, с их богатством, как поэтических образов, так и мелодий... А сам характер украинцев, медлительный и созерцательный, и он тоже не свидетельствует ли, что людей этих не гнала нужда, не толкала их на арену жестокой борьбы за существование?

Но если природа была для украинца нежной и любящей матерью, то история оказалась для него суровой мачехой, – или той злой волшебницей, которая, явившись на крестины последней, своим роковым словом уничтожила всю силу благодетельных даров, какими был осыпан новорожденный.

Украинский народ начал свою историческую жизнь на той же территории, которая и до сих пор считается для него центральной. Еще и теперь южнорусская территория делится на левобережную, или Малороссию по преимуществу, и правобережную, или Украину по преимуществу. Левобережная и правобережная – по отношению к Днепру. Следовательно, Днепр есть главная река южнорусского племени. На его берегах возникла и развилась политическая жизнь этого племени, по его бассейну шло, главным образом, распространение, расширение южнорусской жизни. Город Киев, главный город Приднепровья, был тем пунктом, где, прежде всего, завязалась историческая жизнь украинского народа.

Но, утверждая это, мы встречаемся с таким недоразумением. Во всех исторических учебниках рассказывается о первых киевских князьях, о великом княжестве киевском, как о начале русской истории. И видя, что жизнью Русского государства руководит теперь великорусское племя, мы невольно склоняемся к мысли, что так было и всегда, и что, следовательно, русы, которые плавали с Олегом в Царьград, ходили с Святославом в Болгарию, крестились при Владимире в Днепре, – были предки теперешних великороссов. Но, конечно, это ошибка.

Южнорусское племя и теперь живет там, где жили его отдаленные предки. Правда, за тысячу с лишком лет исторической жизни его много раз теснили степные кочевники, отодвигали его поселения к северной окраине степной полосы, но, при всякой возможности, оно снова выдвигалось в глубину черноземной степи. И никогда, за всю тысячелетнюю жизнь, история не упоминает о значительном переселении южнорусского племени куда-нибудь из своих родных степей, не упоминает и о том, чтобы какое-нибудь иное племя, русское или инородческое, пришло и поселилось на черноземной степи. Не может быть никаких сомнений в том, что именно предки теперешних малороссов и упоминаются в летописи под именем киевлян, или полян, черниговцев и переяславцев, или северян, волынян, древлян.

Но мы утверждаем, что южнорусское племя жило на своем месте лишь в течение тысячелетий исторической жизни, но не утверждаем, что оно жило здесь всегда, испокон веков. Наоборот, есть несомненные доказательства, что оно пришло в наши степи лет за двести-триста до начала нашей государственной жизни. Раньше же здесь жили другие народы.

Из науки, которая называется археологией, мы узнаем, что несколько тысяч лет тому назад в южнорусских степях жили какие-то дикари, которые хоронили своих покойников скор-

ченными и окрашивали их трупы или скелеты в красную краску. Затем жили скифы, насыпавшие над своими покойниками огромные курганы, те могилы, о которых поется в украинских песнях: «У поли могыла з витром говорила». Ученые археологи, раскапывая эти курганы, находят, вместе с останками покойников, множество домашних вещей, одежду, оружия, посуду, часто сделанные из золота и украшенные драгоценными камнями. О скифах мы знаем не только из археологии, но уже и из истории: об них рассказывает древний греческий писатель Геродот, которого называют отцом истории.

Три века спустя после Р. Хр. мы видим в южнорусских степях большое и сильное государство готов, – народа германского племени. Государство этою сметаю и уничтожают дикие гунны, которые со своим предводителем Атиллой прошли из Азии в Западную Европу и произвели там перетасовку всех народов, заселявших Европу, – так называемое великое переселение народов.

Как и когда переселились в южнорусские степи наши предки, отделившись от остальных своих славянских родичей, – наука не знает об этом ничего достоверного.

По некоторым данным ученые предполагают, что это случилось в шестом или седьмом веке по Р. Хр. и что пришли южнорусские славяне в степи с запада, от Карпатских гор. Но тогда предки наши еще не знали государственной жизни, жили небольшими союзами родственников, родами, которые соединялись в племена. Соседние греки называли их антами и упрекали их в том, что они не знают порядка в общественной жизни, не подчиняются одной власти и ссорятся между собою. Однако отдельные роды, племена, имели своих начальников, старших в роде или выборных; были у некоторых родов или племен и города, которые служили для защиты от врагов и для общих сходов. По крайней мере, мы точно знаем, что Киев существует задолго до того времени, к которому относит начало история нашей государственной жизни.

О том, как сложилось в Приднепровье государство, мы знаем из так называемой летописи Нестора. Нестор, монах Киево-Печерской лавры, жил и делал свои записи в начале двенадцатого века, следовательно, спустя больше двухсот лет после того, как совершались те события, о которых он рассказывает: как известно, начало государственной жизни относят к девятому веку (862 год якобы есть год призвания Рюрика). Историческая критика, разбирая летописные повествования слово за словом, факт за фактом, – сомневается в достоверности того, что сообщает Нестор о призвании князей из-за моря, из Скандинавии. Летопись Нестора, по мнению критики, сообщает лишь народные предания, а не точные факты. Но если это все было не так, как рассказывают вслед за летописью наши учебники, то как же?

Конечно, никто не может сказать наверное, как именно. Но есть на этот счет ученые предположения (гипотезы). Вот одна из них, на наш взгляд, наиболее достоверная. По берегам Черного моря, которое в те времена называлось Русским, кое-где, в Крыму и на Таманском полуострове, задержались остатки готов, вытесненных из наших степей гуннами. Готы эти плавали по морю, занимаясь торговлею и грабежами, служили также в Константинополе (Царьграде), как наемники, в войсках греческих императоров. Просвещенная Греческая империя сильно страдала в то время от нападков разных диких соседей. Ученые арабы, знакомые с нашими странами через купцов, которые приезжали из Азии торговать, рассказывают, что морские разбойники с берегов Черного (Русского) моря поднимались вверх по рекам, в него впадающим: Днепру, Дону, Южному Бугу, грабили и притесняли жителей, живших всегда, по славянскому обычаю, по берегам рек. Вот в этих то условиях и надо искать начала южнорусского государства.

Дело в том, что государственная, политическая, жизнь почти никогда не начинается самопроизвольно, без толчка извне. Чаще всего государства складываются посредством завоевания, или, вообще, насилия, принуждения. Так было и здесь. Отряды морских разбойников германского (готского) происхождения, называвшиеся Русами, или Варяго-Русами, с своими предводителями завладели Киевом и утвердились здесь. А Киев был узлом, где сходились реки

Днепровского бассейна: реки – единственные пути того отдаленного времени. Кто владел Киевом, тот держал под своим влиянием все земли, прилегающие к Днепру и его большим притокам. Так образовалось государство, которое правильнее было бы называть Киевским государством.

Летопись Нестора сообщает нам сведения о предводителях этих иноземных дружин, завладевших Киевом, первых князьях: сведения эти, с некоторыми поправками, можно признать за достоверные, так как они подтверждаются и греческими писателями. Князья эти подчиняли своей власти одно за другим все южнорусские племена. Олег, Игорь, Ольга, Святослав – только и делали, что воевали, «примучивали», накладывали дани. Но завоеватели иноземцы очень скоро совсем слились с завоеванными туземцами. Надо думать, что и с самого начала пришельцев было мало и что с их властью легко примирились туземцы. Дело в том, что власть эта, – которая, конечно, имела свои тягостные стороны, – представляла и значительные выгоды. Она защищала мирных земледельцев, какими по преимуществу были наши предки уже и в это отдаленное время, от набегов со стороны степных кочевников. Наша степь с ее роскошной растительностью чрезвычайно привлекала к себе кочевые народы, которые из глубины Азии то и дело появлялись здесь, вытесняя друг друга. Олегу приходилось защищаться от хозар; Святославу и его приемникам – от печенегов. За печенегами появились дикие половцы, борьба с которыми давала свою окраску жизни Южной Руси в течение двух веков так называемого удельного периода ее истории. А появление еще более многочисленных и свирепых кочевников-татар в 13-ом веке уж сделалось главной причиной того, что жизнь южнорусского племени окончательно отделилась от жизни племен северно-русских и каждая из них пошла своим особым ходом. Правда, между обеими половинами русской народности образовались отличия еще ранее. Дело в том, что северно-русы, поселившись в лесной части русской равнины, смешались с финскими племенами, первоначальными обитателями северно-русских лесов. Но до татар была политическая связь между русским севером и югом, так как они управлялись теми же варяго-русскими князьями, и склад их общественной жизни был приблизительно один и тот же. Но когда с татарским завоеванием порвалась политическая связь, – историческая жизнь северной и южной половин русской народности пошла различными путями.

II

В 988 г., когда великим князем киевским был Владимир Святославович, произошло так называемое «крещение Руси».

Это было событием огромной важности в жизни наших предков. Дело шло не об одной перемене веры – языческой на христианскую. Ведь греческая империя, откуда пришло к нам христианство, была страной просвещенной, – наша Русь дикой, варварской. Вместе с христианской верой хлынула к нам впервые волна просвещения: грамотность, книги, образованные люди в лице греческого духовенства. Явились новые понятия, новые взгляды на жизнь, совершенно чуждые нашей языческой древности. Все это отразилось и на политической, или государственной, жизни. Уже первый христианский князь Владимир Св. является не только предводителем дружины, как его предшественники. Своими заботами о распространении и утверждении христианской веры, о внутреннем порядке и суде, он стремится к тому, чтоб быть настоящим государем своей страны. А сын его, Ярослав Мудрый, по изображению летописи, есть маленькая копия с фигуры просвещенного византийского самодержца. Управившись всеми правдами и неправдами со своими братьями, претендентами на великокняжеский престол, он твердо забрал в свои руки управление обширной страной. Ярослав вовсе не заботился о походах и завоеваниях, а довольствовался тем, что укреплял границы своего государства, защищая его от врагов. Главные же его заботы были направлены на просвещение и внутренний порядок. Красноречивым доказательством его стремлений к государственному благоустройству является сборник законов, так называемая «Русская Правда»: он имеет целью подчинить жизнь всех живущих в пределах Киевского государства одним и тем же правовым положениям (нормам).

Со смертью Ярослава наша политическая жизнь получила новое направление. Государство разделилось между сыновьями и внуками Ярослава, а затем начало дальше и дальше дробиться среди его потомства. Наступила так называемая удельная эпоха. Во главе государства стояло княжество Киевское, а на киевском «столе» сидел старший в Ярославовом роде или более сильный, умный, значительный из родичей – великий князь Киевский. К этому княжеству примыкали княжества удельные различных размеров и ими управляли удельные князья, опять-таки сообразно их старшинству или личному значению. Но государство дробилось на отдельные княжества, или уделы, не случайно: каждое большое удельное княжество заключало в себе землю отдельного племени. Так, княжество Киевское было землей полян; княжество Черниговское – землей северян, также как и Переяславское; княжество Туровское – землей древлян; княжество Волынское – землей бужан, или волынян. Население того или иного удельного княжества, чувствуя свою племенную особенность, предпочитало иметь князей из какой-нибудь одной ветви Ярославова дома и считало эту ветвь своею. Но соперничество князей редко позволяло окончательно утвердиться одной княжеской группе в той или другой земле. Вообще, князья-родичи враждовали между собой, и их почти непрерывные войны из-за великокняжеского достоинства и из-за лучшего удела наполняют собою историю Южной Руси.² Если к княжеским усобицам прибавить постоянные, из года в год, набеги диких половцев, тогдашних обитателей степей, то перед нами раскрывается вся обстановка политической жизни южнорусского общества. Великий поэт Слова о полку Игореве³ яркими чертами характеризует время удельной смуты, которого он был живым свидетелем. «И сказал брат брату» –

² Удельный период надо считать приблизительно около двух веков – от смерти Ярослава до нашествия монголов (1054–1224).

³ Слово о полку Игореве – единственное художественное произведение, дошедшее до нас от того времени, о котором идет речь.

так говорит он о современных ему князьях, «— это мое и то мое же, и начали князья говорить про малое; «это великое», а сами на себя ковать крамолу, а поганые (т. е. язычники-половцы) со всех сторон приходят с победами на русскую землю...» А те художественные образцы и страстные слова, в которых поэт говорит о половцах, свидетельствует о том, что вся его душа была потрясена страшным народным бедствием, каким являлись половецкие набеги.

Из среды удельных княжеств, на какие разбилась Южная Русь после смерти Ярослава, рано выделились два, которые слились потом в одно. Это были удельные княжества Волынское и Галицкое, известные позже под общим именем Галицко-Владимирской Руси. Галицкое княжество, лежавшее по предгорьям Карпат, составляло самую крайнюю западную часть южной Руси. К нему примыкала Волынь, значительнейшая из южнорусских земель. Несомненно, между Галицким и Волынским княжествами существовала связь близкого племенного родства, а также общность политических интересов. Оба эти княжества меньше страдали от половцев, т. к. были более удалены от половецкой степи; больше соприкасались с западной Европой через Польшу и Венгрию. Здесь утвердилась ветвь Ярославова дома, которая крепко стояла за то, чтобы выделить свои княжества из общего княжеского передела и присвоить их себе в наследственное владение; население земель поддерживало князей в этом их стремлении.

Таким образом, к концу удельного периода Галицко-Владимирское (Волынское) княжество составило как бы особое государство в тогдашнем Русском государстве. Два умных и энергичны князя, Роман и сын его Даниил, придали этой области крепость и самостоятельность. В западной Европе называли Галицко-Владимирское княжество королевством, а Даниила Романовича — Русским королем. Усиливалось Галицко-Волынское княжество главным образом благодаря той случайности, что у его князей не было многочисленных сыновей, а те, какие были, действовали заодно, не ослабляя себя и своих земель междоусобной враждой.

Остальные удельные княжества все больше и больше дробились между многочисленными князьями и разорялись от постоянных княжеских усобиц. Падало постоянно значение и великокняжеского города Киева. Половцы мешали торговле с Грецией, которая обогащала город, а в распрях князей из-за великокняжеского достоинства нередко страдал и сам Киев. Вместе с политической силой Галицко-Владимирская Русь, стоя в близких отношениях с западной Европой, развивала торговлю, промышленность. А остальная Русь дробилась и беднела, падала как политически, так и культурно. В конце удельного периода можно было предполагать, что Галицко-Владимирское княжество стянет около себя остальную Южную Русь и образует одно сильное самостоятельное южнорусское государство. Все, по-видимому, клонилось к такому исходу. Но в жизни государств, как и во всякой жизни, играют большую роль так называемые случайности; такое случайное стечение обстоятельств направило неожиданно течение южнорусской истории в иное русло.

III

Как было сказано выше, князья и их дружины рано утратили свою национальную обособленность, слились с славянским населением подчиненных им земель. После крещения Руси, т. е. с конца 10-го века, незаметно уже никаких следов того, что правящая группа, князья и их бояре, иного происхождения, чем остальное население. Но, слившись языком, нравами, обычаями, религией, правящая группа все-таки стояла особняком в силу своего общественного положения, своей роли в общественной жизни. На князе и его дружине (боярах) лежала обязанность поддерживать порядок внешней и внутренней жизни. Сначала князья считали своей исключительной обязанностью защиту земли от внешних врагов, для чего и служила дружина, которую они набирали из вольных охотников и содержали даяниями от подвластного населения, добычей от врагов и торговлей с соседними странами.

Со времен Владимира, а особенно Ярослава, князья начинают входить и в устройство внутренней жизни подчиненных им земель. Да и защита от врага принимает иной характер: князья защищают земли свои тем, что укрепляют города и строят новые, обносят границы валами и стенами, стараются заселять пограничье. Пока княжеская власть занята была защитой от внешних врагов, население само поддерживало внутренний порядок, как знало и умело. Оно жило родами, и каждый род внутри себя управлялся родовым старейшиной, власти которого родичи безусловно подчинялись. Если происходили столкновения между отдельными, родами – из-за земли или охоты, из-за ссоры отдельных членов разных родов – возникала частная война между родами или так называемая «кровавая месть» (вендетта). Роды истребляли взаимно друг друга, пока, в конце концов, не приходили к необходимости примириться. Вот, в общих чертах, тот правовой строй, в котором жили наши предки. Когда князья увидели, что им, как представителям государственной власти, надо вмешиваться и во внутреннюю жизнь страны, они, прежде всего, стали ограничивать права отдельных родов разрешать свою вражду междоусобной войной. Первая статья Русской Правды посвящена именно кровавой мести. Духовенство деятельно помогало князьям ввести в Русской земле⁴ правовой, порядок, свойственной просвещенной стране. Оно привозило из Византии «законные» книги, переводило их с греческого языка на понятный для наших предков церковно-славянский (древнеболгарский), переделывало эти книги, приспособляя к потребностям русской жизни. Так понемногу языческая Русь обращалась в христианскую, родовой строй общества – в государственный. Поддержание нового строя требовало постоянного участия правящей группы, т. е. князя и его дружины, или боярства. Таким образом, русское общество далекого времени представляло собою два слоя: верхний и нижний. Но нижний, управляемый, слой не был низшим в современном смысле этого слова, т. е. он не являлся зависимым от верхнего слоя. Наоборот, верховная власть в юном русском государстве несомненно принадлежала «земле», т. е. представителям этого нижнего слоя. Это отчетливо проявлялось в той роли, какую играло «вече» в древнерусской жизни.

«Вече» – это общенародная сходка, в которой принимали участие все «люди», или «мужи», т. е. все свободное население страны, но не наличные его члены, а старшие в семьях, главы семей. Без согласия веча князь не мог занять стола, хотя бы и имел на то право по наследству. К вечу же князь обращался во всех важных и затруднительных случаях; вече изгоняло князя, которым было недовольно население, и сажало другого.

⁴ «Русь» и «русский» значило в этот период нашей истории лишь Южная Русь и южнорусский, украинский (по летописям).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.